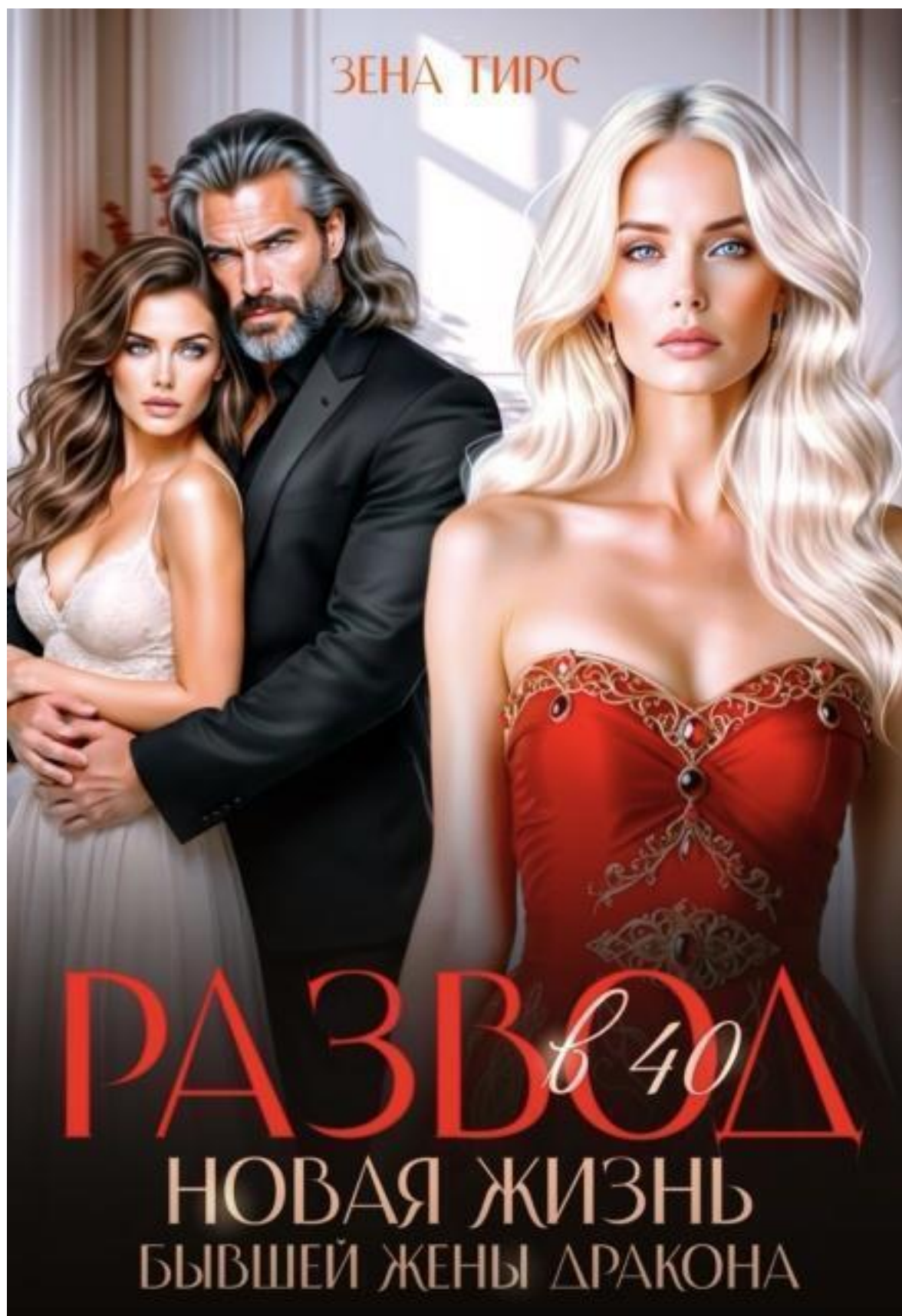

ЗЕНА ТИРС

РАЗВОД *в 40*

НОВАЯ ЖИЗНЬ
БЫВШЕЙ ЖЕНЫ ДРАКОНА

Развод с драконом (однотомники)

Зена Тирс

**Развод в 40! Новая жизнь
бывшей жены дракона**

«Литнет»

2025

Тирс 3.

Развод в 40! Новая жизнь бывшей жены дракона / 3. Тирс —
«Литнет», 2025 — (Развод с драконом (однотомники))

Экипаж мужа подъехал к крыльцу. Двадцать лет брака — а всё равно бабочки в животе, как у девочки. Мы давно не виделись, и я знала: сегодня будет особенная ночь. Я даже тайком заказала в столице новое бельё. Он вышел из кареты — высокий, уверенный, с проседью на висках. Мой муж. Мой дракон. А рядом с ним — молоденькая девочка в дорогом платье. Может, подруга сына? — Гарри! — я улыбаюсь, делаю шаг вперёд, тянусь к нему. Но муж отстраняется. — Лисси, это леди Кристал. Моя будущая жена, — его голос гремит, словно гром посреди ясного неба. — С тобой мы должны развестись. Только давай без истерик. Я получил должность в столице и не хочу тащить тебя в новую жизнь. Надо уметь отпускать старое, если хочешь двигаться вперёд. Я не сразу понимаю, что он говорит. — А дети?.. — бормочу я. — Дети... довольны, — кивает муж. И сын, наш сын, выходит из отцовской кареты и смотрит на меня невинными глазами: — Это хороший шанс, мать. Извини.*** Я положила жизнь на эту семью. А теперь я — балласт. Меня бросили, как отслужившую вещь. Но я не сломаюсь. Вместо того, чтобы коротать век в монастыре, я начну всё с нуля и построю новую жизнь с теми, кто этого заслужил.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	10
7	12
8	14
9	16
10	18
11	20
12	22
13	24
14	26
15	28
16	30
17	32
18	34
19	36
20	38
21	40
22	42
23	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

1

В уютной гостиной горел камин, наполняя комнату мягким теплом и треском дров. В воздухе витали вкусные ароматы: дичь с лавандой, маринованные персики из моего сада, свежий хлеб и терпкое вино с южных склонов — любимое Гарольда.

Сегодня особенный день. Муж возвращался после долгих переговоров с землевладельцами в столице. В короткой записке он написал лишь, что всё решено, и дома расскажет подробности.

Я скрестила пальчики, хоть бы всё прошло удачно! На кону стояло будущее нашей семьи. После сделки Гарольд должен был получить титул маркиза, наш сын — место в Столичной военной академии, а дочь — шанс выйти за самого знатного жениха.

Правда, для меня титулы и амбиции мужа всегда оставались второстепенными. Мне нравилась простая сельская жизнь, и титул виконтов казался вполне достаточным. Но Гарольд мечтал о большем, а я — всего лишь любящая жена. Моя задача — заботиться о тыле для мужа и уюте в доме. И с этим я справлялась отлично: особняк, сад и бухгалтерия по всем нашим владениям — всё было в идеальном порядке.

И нужно было радоваться! Но меня долбила тревога. Было чувство, что вот-вот налетят чёрные тучи и разразится гроза.

Глупости всё! — отмахнулась я и, заглянув в отражение зеркала на комод, убрала выбившуюся прядь и поправила несуществующие складки на платье.

Сегодня я выбрала один из своих лучших нарядов — светло-голубое платье под цвет глаз, которое носила ещё в юности — оно до сих пор идеально на мне сидело, придавало лёгкости, молодости и энергии. Сегодня мне особенно хотелось нравиться мужу. Я даже тайком заказала в столице новое бельё. Двадцать лет брака — а всё равно бабочки в животе, как у девочки!

Жар прилил к лицу...

Последнее время мы так редко виделись — весь последний год Гарри пропадал в столице на переговорах, но сегодня... Сегодня всё решилось, и я предвкушала особенную ночь. Ах, как я всё-таки соскучилась по мужу! До сладкого покалывания в кончиках пальцев!

Стук копыт за окном заставил меня вздрогнуть.

— Дочка, папа едет! — позвала я.

И, затаив дыхание, я бросилась во двор.

2

Гравий захрустел под колёсами — к особняку, покачиваясь на мягких рессорах, подкатил большой чёрный экипаж. Муж любил всё большое и современное, и эту карету купил недавно.

Лакированная дверца открылась, и показался он — высокий, уверенный, с проседью на висках. Мой муж. Мой истинный. Мой дракон. Сердце дрогнуло — как в юности.

Я устремилась вперёд со счастливой улыбкой.

— Гарри! — воскликнула я и потянулась к нему, могучему, сильному дракону.

Но супруг холодно мазнул по мне взглядом, отстранился и подал руку не мне, а девушке, выходящей из экипажа.

Что это за гостья? Хм, может, подруга сына?

Я окинула девушку любопытным взглядом: высокая, выше меня, платье роскошное из тёмно-синего бархата точно по фигуре, а фигура точёная, тоненькая, будто девочка вырезана из стекла. Кожа, как у дорогой куклы: белая и гладкая. Волосы — чистый шёлк, торжественно распущены по плечам. Красавица, столичная модница — на её фоне я, в платье своей молодости, ощутила себя неожиданно старой неотёсанной селянкой.

Смушение прокатилось холодной волной по венам.

А вот в больших зелёных глазах девушки не было ни тени смущения или страха. Наоборот, одно хищное любопытство. Мы задержали друг на друге взгляды — и пухлые губы девушки изобразили самодовольную улыбку, будто это она здесь хозяйка, а не я.

Девушка обхватила локоть моего мужа обеими ручками, и на её запястье сверкнул помолвочный браслет. Я вмиг узнала охристовые камни — это же фамильное украшение рода! Когда-то Гарольд подарил мне этот браслет, и он хранился в семейной сокровищнице в его кабинете... но почему же украшение теперь на руке другой женщины?!

В груди будто повернулся раскалённый кинжал. Острая боль разлилась по телу. А земля под ногами пошатнулась.

— Что это значит, Гарри? — пробормотала я немеющими губами.

Но, кажется, я уже догадалась, какой будет ответ.

3

Алисия — жена дракона, которая двадцать лет старалась для семьи и неожиданно узнала, что больше не нужна

4

Гарольд — дракон с высокими амбициями, который решил заключить выгодный брак с молоденькой красоткой и задавить желания своего зверя

А может быть, в этой истории будет ещё кое-кто

Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить продолжение!

Ваши лайки помогают книге продвигаться вверх - на старте это безумно важно, и, конечно, просто очень радуют меня! Спасибо большое за вашу поддержку!

5

— Я не стал говорить в письме. Хотел лично, — Гарольд бросил на меня короткий взгляд, и снова повернулся к ней, к этой холёной девочке. А в глазах у него — искры, самцовый огонь, который когда-то принадлежал только мне. — Познакомься, Лисси, это леди Кристал — моя будущая жена.

Низкий с хрипотцой голос мужа оглушил, словно гром — и колени подогнулись.

— А... Понятно. — Мой голос прозвучал по будничному спокойно.

Но внутри — раскалённая лава потекла, выжигая органы. Сердце остановилось. Я не могла больше дышать. Плавило меня от боли, скручивало в рог. Титанические силы требовались, чтобы держать самообладание.

— Понятно тебе? И всё?! — прорычал Гарольд, словно взбесившийся пёс.

Не выпуская из смуглой ладони хрупкой ручки своей девочки, он решительно двинулся вперёд и навис надо мной: большой, сильный, тяжёлый. Я всё ещё живо помнила его вес на себе. Его запах. Его поцелуи и жаркую страсть, что была у нас. А ведь месяц назад у нас всё было... Впопыхах, быстро, во время его короткого набега домой. Но было! Щёки отчаянно заливало неуместным жаром.

Как это случилось? Как?! Когда?!

— А что ты ещё хочешь от меня услышать? — проговорила я, сглотнув удушающий ком в горле.

Гарольд стиснул массивные челюсти и вонзил в меня хищный жестокий взгляд. С таким взглядом раньше он отчитывал прислугу и нерадивых работников, и они съёживались, дрожали и торопились исполнять его приказы. Да, что там приказы! Они ноги ему целовать были готовы.

А теперь он смотрит на меня.

И вот я тоже теперь чувствовала себя маленькой букашкой под его сапогом. Ещё мгновение — и расплющит.

Как же трудно дышать! Грудь совсем сдавило.

— Ладно. Хорошо, что ты решила без истерик, — кивнул он, продолжая плавить звериным взглядом. — Когда-то я действительно думал, что проживу эту жизнь с тобой, ведь ты моя истинная, но...

Вот это “но”, как червь, проникший в румяное яблоко и сожравший его изнутри.

Что же пошло не так?

6

Пальцы дрожали мелкой дрожью. Я сжала кулаки и встряхнула головой, отбрасывая нахлынувшую панику. Муж ведь уже всё решил, а значит, плакать и молить его одуматься бесполезно.

И я выпрямилась, набрала побольше воздуха в грудь и затаила дыхание, готовая услышать свой приговор.

— Тяга моего зверя к тебе ослабла, — произнёс Гарольд. — Ты — человек, Лисси, и стала заметно стареть. Я же — ещё долго буду полон сил. Свой долг ты выполнила — родила мне детей — пора прощаться.

Слова мужа, словно лезвие ножа, кромсали мне сердце. А он всё продолжал:

— Сейчас я получил в столице ДОЛЖНОСТЬ. Должность, которой добивался весь последний год. Это большие перспективы и деньги. Совсем другая жизнь. Другой уровень. И ты этот уровень не потянешь.

Взгляд мужа оценивающе прошёлся по моему наряду — и у меня окончательно рухнуло сердце.

— Ты всегда была слишком проста для меня. Я долго терпел, но тянуть дальше нельзя.

Супруг театрально замолчал, продолжая впиваться в меня леденящим душу взглядом. Покатал желваки. Отряхнул борт дорогого чёрного камзола, сидящего чётко по фигуре и, наконец, озвучил:

— Мы разводимся, Алисия. Нужно уметь отпускать старое, если хочешь двигаться вперёд.

Наступила гробовая тишина. Лишь где-то вдали прокрякала утка.

Гарольд шумно выдохнул и перевёл горячий взгляд на свою новую пассию. И улыбнулся ей хищной белоснежной улыбкой, как мне когда-то.

Слова мужа уничтожали меня. Выбивали почву из-под ног. Выжигали изнутри напалмом.

В ушах гремело: “Мы разводимся”.

Казалось, что это какая-то шутка. Я ещё не до конца понимала случившееся. Развод? Да как? Немыслимо же! Про разводы я раньше только читала в рубрике “Скандалы” столичного журнала, но У НАС?! У нас — двадцать лет брака за плечами! Двое детей! Для провинции — это совершенная дикость и ужасный позор! А ещё мы истинные!

Грудь сдавило спазмом.

Я ухватилась за перила крыльца, ощутив, что ноги подгибаются.

Это конец. Теперь всё кончено.

— А как же дети? — пробормотала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Дети... Дети будут довольны, — кивнул муж. — Мэтью уже зачислен в столичную военную академию, благодаря отцу Кристал. Раньше мы об этом только мечтали, а теперь — со следующей недели его уже ждут в корпусе, — Гарольд переглянулся со своей девушкой и кивнул в сторону экипажа.

И сын, наш взрослый девятнадцатилетний сын Мэтью, вышел из отцовской кареты, поправил новенький алый мундир с золотыми эполетами, и взглянул на меня совершенно невинными голубыми глазами:

— Это хороший шанс, мать. Извини.

В душе будто оборвались нити, составляющие мой стержень. И осталась лишь одна, одна последняя — дочка!

Я обернулась — крошка Салли стояла на крыльце в нежно-розовом платье, которое теперь казалось мне слишком наивным и простоватым для семнадцатилетней девушки. Лицо дочери было бледным, брови надломлены, а глаза — огромные, как блюда. В них — шок.

На непослушных ногах я шагнула к ней, чтобы обнять, прижать к груди, утешить мою девочку.

Дочка, доченька, ты же не поддержишь отца? Он ведь предал нас! — кричал мой взгляд. — А тебя, Салли, — проговорил отец, довольно усмехнувшись, словно чувствовал себя победителем на арене. — Тебя ждёт столичный бал дебютанток и Кристал будет твоей наставницей. Ты же знаешь, кто она, правда? — муж указал гордым взглядом на свою невесту. — Ну же, смелее, детка, иди ко мне, обними отца!

7

— Поверить не могу! — восторженно воскликнула Салли и бросилась к отцу, обнимая его за шею. — Спасибо, папочка-а-а!

Она пошла к нему, стоящему под руку с молодой девушкой, а не ко мне, своей матери. И на душе погас последний луч света.

— А вы... — вдруг проговорила дочь, взглянув на Кристал. — Вы правда та самая леди Кристал, про которую писали в журнале “Элита”? Одарённая магия воды, удивившая всех текущим вспять фонтаном?

Драконий бог, а ведь это точно она!

Я же читала тот журнал, доставленный в прошлом месяце... Юная драконица, окончившая с отличием Столичную магическую академию. Королева бала, звезда курса. Я читала и восторгалась тем, что ей удалось то, что не получилось у меня. По доброму завидовала. Но не сразу узнала... На изображении в журнале на ней был бесформенный балахон адепки, а теперь она блистала в роскошном платье, но это точно была она!

— Только не воды, а водной стихии, — проговорила Кристал, выгибая шею — красовалась перед моим мужем. А голос у неё был медовый, текучий, сладкий.

Молодая светская львица, драконица против меня, провинциальной домохозяйки, человечки. Да куда мне с ней тягаться?!

В глазах потемнело, и когтистая лапа сжала грудь. Возникло ощущение, что я проиграла битву ещё до её начала.

— Ну, всё-всё, дочь, — пророкотал Гарольд, отрывая от себя Салли.

Он же никогда не любил объятий и нежностей. Странно, что вообще позвал дочку обняться. Меня дразнил, видимо?

Муж взял дочь за плечи и проговорил:

— Теперь иди, собирай вещи, мы сегодня уезжаем.

— Уже бегу, папа!

Дочка окрылённо побежала обратно к лестнице. А возле меня остановилась.

— Мам, ну... — она неуверенно потёрла переносицу и бросила короткий взгляд на отца с новой роскошной невестой из журнала “Элита”. — Мам, ну, ты сама виновата. Папа же у нас тако-о-ой крутой! А ты — посмотри на себя — платье старинное и магии у тебя нет.

И упорхнула в дом.

А у меня внутри всё ледяным крошевом осыпалось.

Магия у меня была! Была когда-то, да только...

— Алисия, ты тоже собери вещи! — прогрохотал Гарольд, перекатывая желваками. — Сегодня же отправишься в монастырь. Наш брак больше не действителен. И верни брачный браслет.

Он вытянул руку, взглянув на меня исподлобья, будто хищник, готовый атаковать, если не послушаюсь.

Ледяное крошево внутри подхватило порывом и вновь в меня ударило, царапая сильнее и больнее.

Я взглянула в глаза мужа: серые, жестокие, с вертикальными драконьими зрачками, которые я когда-то так любила, тонула в них.

А сейчас там была холодная отчуждённость.

Решил постричь меня в монахини, а сам укатить в столицу строить ЖИЗНЬ с молодой девочкой?

“Наш брак больше не действителен”, — с бесправной женщины даже подписи при разводе не требовалось, и это ужасно!

Одно слово дракона — и ты раздета догола и выставлена на улицу.

И я впервые в жизни пожалела, что ради истинного бросила учёбу и не добила независимости.

===

Дорогие читатели, сегодня скидка 15% на ещё одну мою историю о разводе. Там финал уже очень близко, и это последняя возможность приобрести книгу по самой приятной цене:
 Развод с драконом, или Гиблое поместье попаданки - <https://litnet.com/shrt/eY5z>

 — То, что случилось прошлой ночью ничего не значит, я с тобой развожусь, — произносит монстр, застёгивая пуговицы на сорочке.
 Всю ночь он занимался со мной любовью, как голодный зверь, а теперь глядит так, словно я никчёмная букашка под его сапогом.
 — Моя новая невеста беременна, она родит мне наследника, которого не смогла родить ты за пятнадцать лет брака, — ошарашивает он. — Ты же понимаешь, Аннет, что уже стара и бесполезна в качестве жены?
 — Я всё понимаю, — киваю, ощущая, как изнутри топит обидой.
 — Тогда собери вещи, тебя отвезут в монастырь, — беспощадно отрезает он.

 Я много лет пыталась забеременеть, но погибла в своём мире, а теперь судьба дала второй шанс — послала сразу двух сыновей после ночи с драконом. Пусть бывший муж милуется с молодой женой, а я сбегу, поселюсь с малышами в заброшенном доме и начну новую жизнь. Но... Что спустя время монстр делает у меня на пороге?!
 Читать >>>> <https://litnet.com/shrt/s6XX>

8

В голове всё ещё не укладывалось, как же так? Он бросил меня после двадцати лет брака, которые мы прожили бок о бок? Я же пылинки с него сдувала, помогала во всём. Когда мы только поднимали хозяйство — бегала по коровникам по колено в грязи, договаривалась о поставках и подбивала бухгалтерию, а теперь молоко с наших ферм знают и любят в столице. А теперь... я ему просто не нужна.

Хотелось кричать! Расцарапать ему лицо!

Но нельзя! Нельзя!

Гарольд властный и жестокий мужчина, он вмиг свяжет меня, заткнёт рот кляпом и увезёт насильно. Да и девочка его стоит и улыбается, как будто только и ждёт, чтобы я потеряла последние капли достоинства и стала валяться у них в ногах, умоляя о пощаде.

И я ответила, снимая браслет:

— Хорошо, я пойду соберу вещи.

Вложила ему золотое украшение в ладонь и двинулась в дом.

Я с трудом удержала голос твёрдым, а ног и вовсе не чувствовала, переставляла их чисто механически. И как только скрылась в глубине особняка, прижалась к стене и поднесла кулак к губам, впившись в него зубами, — лишь бы не закричать. Не закричать!

И заскулила тихо.

Хорошо, что дочь была уже наверху и не слышала воя брошенной женщины, а горничную я отпустила ещё утром.

Как же пекло внутри! Жгло костром! Я не нужна своему дракону. Своему истинному. Мир словно перевернулся, и я оказалась выброшена на берег, как дохлая рыба. Я не нужна никому, даже собственным детям, которых растила, любила, вкладывалась. Но жизнь на этом не кончается, не кончается — твердила я себе, сжимая кулаки.

И ровно через минуту я собралась. Стиснула зубы. Пусть это будет единственная минута слабости. Больше я не позволю себе горевать о предателе!

Войдя в спальню, я первым делом свернула в ванную и содрала с себя тоненькое кружево трусов. Тех самых, что заказала для мужа из столицы. И швырнула в стену, а они, зараза, зацепились за крючок и повисли.

Плывать.

В душе горело праведное пламя, пожирало изнутри. Душило!

Я включила кран с холодной водой — нужно умыться и успокоиться.

Мне нужна холодная голова, чтобы решить, что делать дальше.

Я набрала воду в ладони и приложила к лицу. Ледяные капли змейками стекали по коже, остужая гнев и возвращая взвешенность рассудку.

Шансов почти не было. Если дракон оставляет жену — ей прямая дорога в монастырь и никак иначе. Тем более, если она его истинная.

Смириться? Заткнуть рот, покорно склонить голову и ступить за монастырские ворота — как будто и не было у меня ни жизни, ни дара, ни огня в крови. Словно забытая всеми старуха...

Нет, я так не могла!

Не могла!

Что-то внутри отказывалось принять свою судьбу, как уголёк под золой — почти забытый, но ещё живой. Всё ещё теплится, горит. Подкинь ветку, подуй — и разгорится яркое пламя!

Мне нужен способ обрести свободу!

Но какой?

Была у меня одна идея.

9

Я насухо вытерла лицо полотенцем и взглянула на себя в зеркало.

Паутинки под глазами, усталый взгляд, сухая истончившаяся кожа.

— Да-а-а, — вздохнула я невольно, — куда мне до молодой девочки, одарённой королевы Столичной академии?! Я уже совсем не та, что была в молодости. Не потяну его новую жизнь в столице... Он уже сам всё решил за нас обоих.

Ком подступил к горлу.

Оставив полотенце на раковине, я побрела на негнущихся ногах в спальню собирать вещи.

А на языке всё вертелось это слово “академия”. Слово из забытой жизни... Из жизни, когда я была юна, знала наизусть все заклинания и чувствовала, как волнительно магия дрожит в пальцах — опасная, горячая, моя. Тогда ещё не было Гарольда, его тяжёлого взгляда, прижимающего к земле всякий мой порыв.

Мы встретились, когда я перешла на последний курс, проявились метки пары — и всё закрутилось. Молодой офицер, дракон с блестящим будущим. Казалось, с таким мужчиной я буду кататься, как сыр в масле, и мне не нужен никакой диплом.

Гарри настоял... Нет, какой он мне теперь Гарри? Гарольд. Он настоял, чтобы я бросила учёбу:

— Твой дар опасен и никому не нужен. Разве, что в армии. Но не будешь же ты среди солдат с огненными шарами скакать? Твоя судьба быть моей женой, Алисия, запомни!

И я послушалась. Ведь он — судьба моя, истинный! Да и огненная магия действительно в мирной жизни никому была не нужна. Разве что диплом, отметка об обучении. Но тогда меня он совсем не интересовал.

Я бросила учёбу и заперла свой дар. Я сделала это, чтобы создать нашу семью и быть рядом с мужчиной, которого подарила мне судьба.

И вот результат.

Теперь он с новой молодой девочкой, получил высокую должность в столице. У него впереди большое будущее, а у меня — монастырь.

Я совершила огромную ошибку...

Ах, если бы можно было отмотать время вспять... Если бы у меня был диплом академии... Сладкая мысль вернуть себе хоть что-то весомое потекла по жилам... Женщина с дипломом становится самостоятельной! Как моя наставница в институте благородных девиц, леди Элеонора — эталон женской силы.

Но чтобы вернуться в академию, мне нужно покровительство отца.

А вот отец неизвестно, как это примет...

Я подошла к шкафу, избегая глядеть в сторону супружеской постели, где мы с Гарольдом провели множество счастливых ночей, и достала сумку. Побросала туда запасное бельё и сменное дорожное платье. Открыла шкатулку с драгоценностями, чтобы взять украшения, подаренные родителями и не трогать украшения Гарольда — от него я брать не хотела ничего. И вдруг замерла, увидев скреплённую лентой прядь белой шерсти Люкара — моего магического волка. Я срезала её в тот день, когда он умер.

Я подхватила прядь, прижала к лицу и ощутила, как неуёмная скорбь подступает из глубины. Мой сильный могучий волк был со мной с юных лет, я чувствовала его душу, как родную, а потом — он погиб. С его потерей я лишилась части души. Я рыдала, как маленькая, целый месяц, хотя мне было уже восемнадцать лет! Это тоже сослужило причиной, почему я отказалась от обучения в академии, моя магия без него перестала меня слушаться...

А ведь потом родились у меня дети, появилась семья, но... Но до сих пор ком вырастал в горле, когда я вспоминала Люкара.

Я убрала прядь в мешочек вместе с драгоценностями и осторожно положила в сумку.

Пальцы дрожали. Стыд накатывал волнами. Обратиться к отцу — значит признать, что он был прав.

Мой отец, граф Стрейт, был очень гордым человеком и очень не любил Гарольда.

— Ты ещё пожалеешь, Алисия! Он не должен лишать тебя образования, будь он хоть трижды истинный! — рычал отец, сильный человеческий маг.

В далёких предках у отца были маги-оборотни, и мой папа на дух не переносил драконов. Всегда жестоко соперничал с ними на магических турнирах в молодости. А когда узнал, что запястья его одарённой дочери раскрасили метки драконьей истинности, рычал и плевался.

Отец выдавал меня замуж, стиснув зубы до скрежета, а в приданое отдал лишь клочок плохой земли, как скупую подачку, хотя был весьма богат. А затем повёл себя так, словно я для него умерла: никогда не спрашивал, как у меня дела, и не отвечал на письма. И, конечно, не поздравлял с рождением внуков. Но за него всё это делала моя мама — добрая открытая женщина — она приезжала к нам с Гарольдом в поместье и привозила подарки. При мыслях о маме на сердце потеплело. Она, в отличие от отца, не будет устраивать отповедь, тихо обнимет и подбодрит. Ах, мама, ты самая терпеливая и добрая женщина на свете!

Отца же, чтобы взял надо мной покровительство, можно заинтересовать деньгами, имуществом, возвращением земель приданого — на которых сейчас располагались цветущие фермы. Он любил деньги, а ещё больше любил соперничество с драконами — и суд с Гарольдом за имущество мог его заинтересовать.

Очень страшно, но я должна поехать и встретиться с отцом, хоть мы и не общались двадцать лет.

А вот Гарольду о моём плане говорить нельзя — узнает, что я посмела поднять голову, силком в монастырь увезёт и сам лично острижёт в монахини. Он теперь — мой враг.

Я застегнула полупустую сумку и двинулась к двери, но в этот миг услышала в коридоре тяжёлые мужские шаги, возле самой двери.

Я узнала, кому они принадлежали.

И сердце замерло.

===

Дорогие читатели, огромное спасибо за вашу поддержку!

У меня небольшое сообщение по поводу графика прод: в субботу в течение некоторого времени будет выходной, а потом вернемся к ежедневным продажам.

10

Дверь комнаты резко распахнулась, я даже не успела морально собраться. На пороге появился муж, Гарольд.

Он стремительно двинулся вперёд, заполняя собой всё пространство: высокий, широкоплечий, с лицом, будто высеченным из льда и гранита. Непробиваемый. Но в глазах... в глазах пылал огонь. И этот огонь хлынул в меня.

Мы встретились взглядами — и комната исчезла. Остался только он. Он один, мой истинный. В груди всколыхнулись все былые чувства: яркие, сильные. Тяга, заглушающая всё, совершенно всё. Я отчётливо вспомнила, как он целовал меня, как туго заполнял собой на супружеской постели, в этой самой спальне, как ласкал грудь и шептал на ушко жаркие слова, заставляющие млеть и заливаться жаром.

Гарольд подошёл ближе. Я пыталась дышать, но воздух стал густым, вязким. Губы сами приоткрылись, будто желая прошептать:

“Скажи мне, мой милый, что всё это сон, дурной сон!”

Надежда теплилась в душе. Пусть схватит меня в объятия и поцелует. Пусть я очнусь от этого ужасного кошмара!

Муж прошёл мимо меня, изучающе разглядывая мебель. Новая обивка на креслах, но он, кажется, не заметил, холодно скользнул взглядом и двинулся в ванную.

А там ведь мои...

Я начала густо краснеть.

Может, не заметит?

Но Гарольд вышел из ванны, растянув на пальцах кружевную тряпочку.

— Это твоё?! — рявкнул он, а взгляд бешеный, горячечный, будто дикий зверь в нём проснулся и сейчас в глотку вцепится.

— Моё, — проговорила я спокойно, а у самой по спине пробежала толпа мурашек.

— Не стыдно?! — прорычал он, подходя вплотную. Горячий, неистовый, мой.

А от него чужими духами пахнуло.

И в груди ледяное крошево вновь расцарапало кровавую рану.

— Я спросил, не стыдно?! Старая ты уже для подобного белья!

— А мне казалось в самый раз! — я встряхнула головой, прогоняя больную тягу.

Передо мной стоял вовсе не мой муж — а чужой мужчина, который только что держал в объятиях другую и называл её будущей женой! И началось ведь это не сегодня! Полгода, год назад — кто знает, сколько они вместе?

Я стиснула нутро в тугие тиски и холодно проговорила:

— Гарольд, зачем ты пришёл?

Он словно не ожидал вопроса и неожиданно застыл, быстро поморгал. Выдохнул с жаром и сунул руки в карманы брюк, вместе с моей тряпочкой.

— Пришёл убедиться, что ты действительно собираешь вещи, а не портишь моё имущество! Или как, например, любят некоторые обиженные истинные — режешь себе вены, — цинично проговорил он.

— Не дождёшься, — ответила я холодно и кивнула на сумку в руке. — Вещи я уже собрала. Осталось сесть в карету.

Говорить, что поеду к отцу, а не в монастырь, я не стала.

Просто двинулась к дверям, мимо мужа. Почти бывшего.

— Постой, я не договорил! — прорычал Гарольд, ухватив меня за локоть, и рванул на себя. Горячий, бешеный! Да что с ним?! Из-за трусов моих что ли?

— На меня смотри! — прорычал в лицо, и я подняла на него взгляд. — Я развожусь с тобой, но...

Муж покатал желваки, медленно выпустил меня из захвата и продолжил спокойнее:

— Но ты — всё равно моя истинная, Лисси! А это значит, я буду заботиться о тебе. В монастырь будут поступать регулярные переводы на твоё содержание. Не думай, что я совсем тебя бросаю. И будет охрана.

— Охрана — думаешь, сбегу? — съязвила я.

А на локте всё ещё горели огнём следы от прикосновения. Жаром палили.

— Охрана — чтобы ты не пострадала, — понизил голос Гарольд. — Потому что должность, которую я получил...

— Милый? — в коридоре послышался цокот каблуков. — Куда ты пропал? Хотел показать мне дом, а сам... Ах, вот что? — Кристал застыла в дверях. — И что это значит, дорогой?

Девушка упёрла руки в бока и вперилась в меня высокомерным взглядом.

— Ничего, всё в порядке, — хрипло ответил Гарольд и тут же притянул свою молодую девочку за талию. — Алисия уже уходит.

— О, это комната была спальней? — прощепетала девушка, осматривая пространство, будто меня в нём уже не было. — Я думаю, перед продажей тут стоит всё перекрасить, а то слишком по-старушечьи. А старушечье жильё стоит дешевле.

Перед продажей?!

Сердце защемило, когда эта чужая девочка заговорила о продаже МОЕГО дома! Столько сил и труда я вложила в эти стены — мы ведь с Гарольдом строили его с нуля на пустыре. Сначала это был маленький домик, а потом появились флигели, переделали фасад — и образовался настоящий дорогой особняк. Каждую комнату я окрашивала собственными руками, подбирала мебель. Я сама разбила во дворе сад с нуля и выращивала в нём чудесные розы.

Как можно этот дом продать? Ведь в нём вся история нашей семьи! Здесь росли наши дети! Разве можно это перечеркнуть одним махом?

Почему-то собирая сумку и уходя, я не воспринимала так остро, что всё закончилось, но дом... Я ведь думала, что наш особняк унаследует сын, а потом внуки...

А теперь тут хозяйничает другая женщина.

Но хорошо, что Гарольд и его девочка были оба заняты рассматриванием стен и не видели, как дрожали мои губы и тряслись пальцы, из глаз выкатились горячие слёзы. Я закусила кулак и беззвучно пошла. К двери. Пока не видят. Не надо, чтобы они видели меня такой, совсем разбитой.

— Мать! У тебя так вкусно пахнет, я бы поел! Может, подашь обед? — в коридоре в меня влетел Мэтью и чуть не сбил с ног.

11

Сын стоял в алом мундире с золотыми эполетами: высокий, красивый, длинные тёмные волосы убраны в небрежный хвост. А глаза ярко голубые — от меня унаследовал — и взгляд чистый, светлый, искрится от головокружительных взлётов.

Мэтью принял выбор отца, радуется новым возможностям, и я должна бы рассердиться на него, что не пожалел меня. Но на что сердиться? На что?

Ведь сын же, сама растила и вырастила вот такого, какой есть. И я радовалась за него, правда радовалась. Ему теперь открыт путь к звёздам, и теперь только от него самого зависит, как он справится. И уж еды я для него не пожалела бы.

— Пойдём, — проговорила я.

И мы пошли в столовую.

Я поставила свою тощую дорожную сумку на низкий столик у плиты, привычно достала тарелку и приборы из комода, поставила перед сыном на стол. Со всех блюд сняла крышки.

Сын быстро бросил салфетку на колени и схватился за вилку, накалывая кусочек дичи.

— Я очень голоден, — жуя проговорил Мэтью. — Вчера проходил испытания в академии — все силы высосали заклинанием истощения. Но приняли. Приняли в академию — и это главное!

— Ты молодец. Я очень за тебя рада, — проговорила я.

Я тоже устроилась за столом, но села на самый краешек, как гостя, и глядела, как сын уплетает приготовленный мной праздничный ужин. Болезненное удовлетворение распирало грудь, что старание было не в пустую. Хорошо, что хоть кто-то поест. Но не покидало гнусное чувство, будто я сидела на собственных поминках. Я не права, что сижу тут и смотрю — как будто подсматриваю! Это ведь уже не моя жизнь. Не моя кухня, не мой дом. И сын уже решил жить без меня.

Довольно, больше нельзя оттягивать неизбежное. Нужно уходить, пока не потеряла лицо. И я подтянула к себе сумку. И встала.

Сын оторвался от тарелки и поглядел на меня.

— Спасибо, мать! Очень вкусно! — Дожевывая кусок, закинул сверху ещё один и вскочил, поправляя мундир: — Ладно, я побегу заберу свои вещи — а то отец сказал по быстрому!

И пролетел вперёд меня, дожёвывая на ходу. Правда, напоследок обернулся и сказал, поглядев в глаза:

— И не волнуйся, мать, я буду тебе писать, чтобы ты на старости лет не скучала!

— Спасибо, сынок, — проговорила я, мягко улыбнувшись.

Но как только сын скрылся на лестнице, я прижалась лбом к холодной штукатурке стены, перебарывая дрожь на губах и подкатывающие слёзы. Неужели я теперь в самом деле старуха и всё для меня кончено?

Нет! Нет, я ещё поборюсь за себя. А поэтому нельзя плакать, нос выше!

Я распрямила плечи и пошла. А в гостиной, обняв друг друга за талию стоял мой муж со своей новой невестой.

И до меня долетели обрывки фраз.

— Я уже выбрала особняк, который хочу, чтобы ты купил для нас, — промурлыкала Кристал.

— Сегодня же посмотрим, — пророкотал Гарольд, многообещающе развязно, и потянулся губами к её уху. И вставил внутрь язык. Жарко и пошло. Фу.

Девочка выгнула шею, подалась к нему грудью и пылко вздохнула.

А меня обдало стыдливым жаром.

Но я не убежала, а, наоборот, усилив ровный стук каблуков, двинулась по паркету к входной двери.

Гарольд оторвался от невесты не сразу. Лишь когда я подошла совсем близко. И поглядел на меня дурным пьяным взглядом, захмелевший от другой женщины.

— Где ты застряла, Лисси? Карета тебя уже давно ждёт! — бросил яростно. А из глаз огонь хлещет. Зверь внутри бесится!

— Я пудрила носик, — ответила я, не замедлившись ни на секунду, и вот уже почти схватилась за дверную ручку. Но чужая рука опередила.

Гарольд стремительно оказался у двери и сам открыл мне, пропуская вперёд. Большой, сильный, опасный.

И от него густое облако чужих духов — он весь ими провонялся. Аромат элитный, дорогой, но у меня тошнота от него подступила к горлу.

Перед домом действительно уже ждал запряжённый двойкой лошадей экипаж. Карета прошлогодней модели из прежних “игрушек” Гарольда, на которой теперь ездила я. Вернее, ездила раньше. Теперь у меня больше нет ничего своего, кроме сумки.

Возничего, который придерживал мне дверцу, я хорошо знала — Джимми был ровесником моего сына и работал у нас на конюшне с десятилетнего возраста. Меня поразило состояние, в котором встретил меня юноша — бледный, глаза красные и впалые, как будто только что горько плакал. Но парень не произнёс ни одного лишнего слова, кроме короткого вежливого приветствия.

Я забралась на широкое кожаное сиденье кареты, положила сумку на колени — и мы поехали.

Я прикрыла глаза, а перед внутренним взором стояла рвущая сердце картина, как мой муж целует эту тоненькую красивую девочку в роскошном платье посреди нашей гостиной, где стояли наши портреты и портреты детей.

Грудь сдавило чувство, что я никогда не была для него нужной и значимой. Как только подвернулся выгодный брак — выгнал. Ком подкатил к горлу.

Нет! Я клянусь себе, что ещё буду нужной и значимой. Я смогу. Зубами рвать буду, но встану на ноги.

— Джимми! — воскликнула я, пересев на сиденье напротив и открыла переднюю форточку. — В монастырь мы не едем! Вези меня в Вайтфелл, к моему отцу! И как можно быстрее!

Пока Гарольд с лёгкой руки новой невесты не успел распродать всё имущество.

Я ещё поборюсь!

12

Гарольд

— Вот демонова сука! — прошипел Гарольд и стиснул зубы, что скулы свело.

Как же он бесился.

Села в карету, махнув седой копной волос, — и даже не взглянула на него.

А как приняла известия о разводе? С каменным выражением, будто плевать ей на их брак! Просто в душу плюнула ему!

Не зря отец покойный твердил, что человечка не будет иметь такой привязанности, как у дракона! У них всё слабее, нет внутри зверя, не чувствуют они связи! А кто-то из девиц и вовсе ушлый попадаетеся и только и делает, что крутит бедным драконом направо-налево и печень ему выдает! Был у него такой командир в полку, когда служил в молодости — генерал, суровый, жестокий дракон, а к жене своей — истинной — по первому зову бежал, на руках носил. А потом вышел в отставку и увезла она его в деревню, гнить на ферме. А Гарольд такой участи для себя не хотел! Он был сильным драконом, хватким, умным, сверх одарённым, всегда побеждал соперников в любых схватках — и хотел стоять на вершине мира — он имел для этого всё.

И начиналось ведь всё в его жизни очень хорошо — он был из хорошей семьи, в меру обеспеченной, встретил истинную пару — залог сильных наследников.

С Алисией они познакомились на балу в провинциальном городе, где он служил молодым офицером, а она приехала к своим родителям, местным аристократам, на каникулы из столичной академии, в которой училась. Их взгляды встретились — и шумный зал пропал — перед ним остались лишь её голубые глаза, как два чудесных озера. Он пригласил её на танец — прикосновение рук — и запястья озолотил узор меток. Зверь закричал: “Моя! Забрать! Владеть одному бесконечно!”

Алисия была яркая, сильная, независимая — училась в столице! Такая она ему нравилась безумно. И как же он злился, что она собиралась уехать от него в академию! На стену лез, когда думал, что любой мужчина может к ней там прикоснуться! И не отпустил он её — не смог. Забрал её из академии и женился. Дослужил год, поняв, что в армии нет больших денег, и вышел в отставку, занялся фермерским бизнесом, пошли дети — и всё у них было хорошо, даже очень! На земле, полученной в наследство от его отца, он стал разводить коров и делать долгохранящееся молоко при помощи артефактов — идея была Алисии, но подхватил и реализовал её он. Дело шло в гору, покупались ещё земли, и он даже вложил в болотистый огрызок земли, который был приданым Алисии от её скупого папаша, облагородил там всё тоже поставил несколько ферм. Дело росло, он богател, развивался, налаживал связи, а жена, наоборот, из яркой женщины превратилась в домохозяйку, до скукоты удобную: обед всегда на столе, счётные книги хозяйств заполнены и перепроверены, дома и в саду идеальный порядок, в постели — всегда готовность. Сперва он радовался всему, как оголтелый, а особенно тому, что не нужно тратить на лишних людей — жена всё тащила, а потом, чем больше крутился в большом городе среди богатых и успешных лордов и их роскошных жён, всё сильнее понимал, что его Алисия самая настоящая провинциалка, и никогда не встанет наравне со всеми этими людьми. А тем временем, молоко с его ферм поставлялось почти в каждый город в стране, и он всё сильнее богател, его имя залетало в заголовки самых крупных газет и журналов, он задавил многих конкурентов и взял под контроль весь молочный бизнес страны, выйдя на сотрудничество с зарубежными поставщиками. Он купил себе более высокий титул, просто потому что мог себе это позволить, заслужил. Все его дела постепенно сосредоточились в столице — здесь он заключал новые договоры и искал новых партнёров. А ещё налаживал связи для выхода в правительство, потому что знал — именно там настоящие деньги и настоящая власть, истинная

арена для борьбы, где он мог бы полностью раскрыться. И среди его знакомых были министры, мэр и даже главы преступных синдикатов, которые имели не меньше власти и влияния, чем первые. Многие были его хорошими друзьями.

Гарольд вступил в команду Первого министра герцога ван Дрейка, и ввязался в гонку на место министра сельского хозяйства, потому что знал об этом много и лучше всех разбирался. Но соперники у него были сильнее, и он весь последний год работал, как проклятый, чтобы получить это место, создавал новые проекты, сидел на слушаниях, добивался расположения других министров и даже королевы, которую встречал на еженедельных заседаниях. А жена его была дома и присматривала за фермами — кто же должен бы всё это вести. Алисия ему часто писала, но письма её были скучны и однообразны. А тут у него была жизнь, напряжённая борьба, и женщины на приёмах пожирали его глазами — он знал, что нравится им: и молодым и старым, худым и толстым, богатым и не очень. Ведь он был безумно богат, хорошо одарён и по-мужски красив: широкоплечий, подтянутый — военное прошлое делало из него образцового самца. Его звезда сияла ярко, новая должность в правительстве была у него почти в кармане, и ему завидовали все вокруг.

После очередного дня на совете министров, прошедшего в ожесточённой борьбе, Гарольд устал и на вечернем приёме он заметил девушку: яркую, сочную, сильную! Красавицу с обложки журнала! И его так накрыло — будто молодость вспомнил! Её звали Кристал — она тоже заметила его. Они немного выпили, поговорили — и произошло какое-то безумие. Они уединились, он сошёл с ума, взял её прямо в каморке, когда за стеной гремел торжественный приём.

А что было с ним потом!

13

Гарольд

Как только утолил мужской голод, его с такой силой совесть скрутила, что глаза на лоб полезли. Зверь когти в грудь вонзил.

Что ж ты наделал, Гарольд! Как ты мог?!

А Кристал прижалась к нему, тоненькая, ласковая.

— Я так давно в тебя влюблена, Гарольд, — проворковала она. — Ещё когда впервые увидела твой портрет в журнале “Элита” — ты самый успешный бизнесмен страны, и я хотела, чтобы ты стал моим первым, а не прыщавый Ллойд Конор, которого прочит мне в мужья отец.

Ему льстило. Безумно льстило, что молодые девочки сохнут по нему. Но он вляпался, жестоко вляпался! На кону его карьера — отец испорченной им девчонки оказался ректором Столичной академии и имел обширные связи — он мог его легко потопить. У Гарольда просто не было выхода, как предложить Кристал официальный статус супруги, тем более брак с Алисией и так трещал по швам.

И был у них самый прямой разговор с ректором:

— Ты понимаешь, Гарри, — произнёс ректор, постукивая толстыми пальцами по дубовой столешнице, — всё в этом мире связано. С женихом Кристал у нас было соглашение — он давал моим друзьям разрешение на добычу на его земле артефактов. А теперь он обиделся и дал разрешение другим людям. Важные люди, мои друзья, обиделись на тебя, Гарри. А уж как обиделся я... Но благо ты богат и у тебя много земли. Мои друзья хотят изучить твои земли и вести добычу у тебя. Молись, Гарри, чтобы они нашли хотя бы одно месторождение. Ну, что, ты согласен?”

И, конечно, Гарольд согласился, разве был у него выбор? Тем более будущий тесть обозначил неплохой процент, который он, как владелец земли, будет иметь с добычи артефактов и сразу стал активно помогать: пошептался с кем надо — и несколько голосов за его персону на выборах министра сельского хозяйства были отданы ему. Он победил и получил должность. А ещё ректор пристроил его сына в военную академию, что было нелегко даже с большими деньгами. Всё стало ещё лучше, чем раньше!

Оставалась только одна проблема — ставшая лишней бывшая жена, его истинная пара, к которой он испытывал неумолимую тягу, несмотря ни на что. И он ужасно разозлился на Алисию, что держала его истинностью, словно на цепи. Она ведь уже старая и слишком простая для столичных интриг! Он всё больше казался себе похожим на того генерала, своего наставника, который уехал в глухую деревню вслед за своей парой. Слабак!

— Нет, я не буду таким слабаком. Не я первый, не я последний! — сказал себе Гарольд, скрипя зубами.

Страсть, что была по началу с Алисией, давно прошла. Его жена состарилась. Они уже год жили практически раздельно, и зверю было достаточно лишь знать, что истинная под защитой, здорова и сыта — и он был спокоен. Так что изменится, если Алисия переедет в монастырь? Там она будет под защитой — никто посторонний к ней не подойдёт. Гарольда успокоили подобные рассуждения, и он принял решение о разводе.

А как он переживал! Волновался, как она воспримет расставание! Ведь думал же, что Алисия его любит, привязана к нему, плакать будет.

Но, мать её, его жена оказалась холоднее лягушки! Ей на него оказалось совершенно плевать! Нет у неё ни любви, ни привязанности, выходит?!

Понятно ей. Понятно! — рычал он внутри, стоя на крыльце и провожая пылающим взглядом её отъезжающий экипаж.

Короткой фразой всю душу ему вывернула. Столько лет прожили, а она кол ледяной в сердце воткнула.

Пусть он считал её постаревшей и потухшей, скучной домохозяйкой, но тяга-то всё равно была! Привязанность многолетняя! Он ведь всё равно её любил! Она же детей ему родила — и он навсегда отвёл ей в сердце почётное место. Он хотел устроить ей отличную дальнейшую жизнь — жила бы себе в монастыре, цветочки свои выращивала! Он бы не поскупился на её содержание. У неё было бы всё! Что ей ещё от жизни надо было?! Да ничего! Это у него были амбиции, огонь дикий в крови! Он — дракон! Ему нужны были борьба, власть, статус! А ей — да ничего не нужно было, каждый день у неё одинаков: ужин по недельному меню, вылизанный дом, цветочки. Эти её розочки, демоны побори!

Со злости Гарольд придавил сапогом торчащую у крыльца бледно-розовую розу.

И как назло память подкинула утреннюю картину: в ванной на крючке — её тонкие кружевные трусики с такими же бледно-розовыми цветочками.

Старуха! Совсем разум потеряла в таком ходить!

Дракон внутри выдохнул жар в кровь. Возбуждение оказалось мгновенным и обжигающим — жена, теперь уже бывшая, которую он списал, заставила его затвердеть. Какого демона он так завёлся?! Чуть не завалил её там, в спальне! Это всё дурацкая истинность, заставляет его хотеть старую женщину — а он что, больной, когда есть молодая?!

— Катись, Лисси, катись прочь, чтобы я тебя не видел! С глаз долой, из сердца — прочь, как говорится, — выдохнул Гарольд почти беззвучно.

— Милый, с тобой всё хорошо? Она уже уехала? — Кристал выглянула на на крыльцо и, качая бёдрами, двинулась к нему.

Яркая, в платье цвета ночи, с открытой линией плеч и струящимися волосами.

Его роскошная молодая женщина!

И мужской огонь только жарче в вены хлынул.

Он притянул Кристал за талию, и в её глазах мелькнула готовность. Девочка с ума сходила от него, и он чувствовал. С силой прижал её к себе, давая почувствовать свой жар.

— Пойдём, — низко бросил он и, подхватив её на руки, понёс в гостевую спальню.

А там...

Там, открыв дверь с ноги, он бросил её на постель и навалился сам, целуя жёстко, грубо, как будто хотел вырвать из себя злость и воспоминания о бывшей жене. Теперь у него молодая, сексуальная женщина с торчащими грудками.

И был злой и быстрый секс.

Он выжигал из себя воспоминания о неблагодарной, холодной, как змея, истинной.

Пусть Алисия катится в монастырь. А он ни о чём не жалел. Теперь он министр, богач, и у него молодая одарённая невеста.

А ко всему этому вечером того же дня, в столице, Гарольд получил от будущего тестя приятные известия, что месторождение кристаллов на его земле нашли! Он безумно обрадовался, но только ещё не знал, какие трудности за этим следуют.

14

Карета с приглушённым скрипом рессор пробиралась по размокшей после дождя дороге. Я ехала с открытым окном и с волнением рассматривала нависающие, тяжёлые от дождя ветви многовековых дубов. Деревья вырисовывались из тумана постепенно, и напоенный тишиной лес казался таинственным. Воздух был густым, почти осязаемым — пахло прелыми листьями, влажной травой и чем-то терпким, как старое вино.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Люкар, — губы сами произнесли его имя.

Когда-то я бродила здесь, по этим зарослям, со своим волком. Давно это было — во времена беззаботного отрочества. Было весело. Люкар помогал мне обуздать мою опасную огненную магию и слушал мой бесконечный лепет. Седой магический волк. Он утыкался носом мне в шею и шумно вдыхал мой запах при встрече. Я обнимала его за шею, и мы подолгу так сидели, любуясь на лесной ручей. А потом Люкара не стало — и я долго рыдала. Как же больно вспоминать! Грудь снова рвёт на части, словно всё случилось вчера. До сих пор не верится... Он же был таким сильным, умным, опытным — и его убили. Кто — мы не знали. Отец ходил на место драки, изучал следы и в итоге сказал, что на волка напал другой зверь.

Вдали, в туманных просветах между дубами, показался силуэт особняка.

Поместье отца было уже близко.

Я потеряла ручки сумки от волнения, вглядываясь вдаль. Столько лет прошло — теперь я женщина на склоне лет, прожившая жизнь. Я была замужем, вела дом и обширное хозяйство, вырастила детей, но внутри я всё так же боялась отца и чувствовала себя девочкой.

Особняк, казалось, за годы постарел, как и я. Светлый камень стен потемнел, черепичная крыша выглядела тускло и уныло, а раньше ярко-красный цвет нёс радость и был виден издали, словно горящее пламя.

Миновали ворота — уже совсем близко.

Сердце подпрыгнуло к горлу. Я так и не придумала, что сказать отцу. Не знала, где взять силы взглянуть ему в глаза.

“Да, папа, ты был прав. Прошу простить меня и принять назад”.

Я готова была выдержать его тяжёлый взгляд, затолкать палящий стыд куда подальше, лишь бы он согласился взять меня назад под свой кров. Если отец выгонит меня, то Гарольд затащит в монастырь — и тогда я проиграла. Считай — умерла. А мне надо выжить. Стиснуть зубы, затолкать все чувства подальше, и просто выжить.

Карета остановилась у крыльца. На ступенях уже ждала мать — невысокая полная женщина в тёплом бежевом платье, серебряные пряди волос убраны в высокую причёску. Лицо у неё было тревожное, и взгляд недобро хмурился, рассматривая экипаж — ещё бы — чужая карета без приглашения пожаловала!

Но тут Джимми соскочил с козел и раскрыл дверцу.

Я глубоко вдохнула — последний глоток воздуха перед встречей с родителями и... разговором, которого я так боялась.

Я вышла из кареты, прижимая сумку к боку.

— Здравствуй, мама, — проговорила, подняв голову.

Лицо матери тут же засияло. В глазах вспыхнула радость.

— Алисия! Вот это неожиданность! — сказала она, пойдя навстречу.

Мы тепло обнялись.

— Ты как-то похудела, доченька. Ты не заболела?

— Нет, мама, всё в порядке, — проговорила я и, чуть отстранившись, кивнула на тёмные окна особняка: — Мама... А чем сейчас занят папа?

Сердце лихорадочно колотилось о рёбра. Голос дрожал. Губы пересохли.

— Он на охоте, Лисси. Должен приехать вечером. Что случилось, дочка?

— Гарольд меня оставил, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал, но в самом конце короткой фразы появилась хрипотца и к горлу подкатил ком.

Я думала, что произнести это не сложно, но, оказалось, сказать вслух о разрыве было тяжело.

Мать приоткрыла рот и застыла в оцепенении.

— Новость — за гранью, я знаю, — проговорила я. Голос уже выправился после первоначального срыва. Откуда-то появились силы, и меня понесло: — Я и сама не могу до конца поверить, но это уже свершившийся факт — меня отправили в монастырь, мама. А я, вопреки воле Гарольда, рванула сюда просить у папы покровительства.

— Демонова преисподняя... отец сойдёт с ума, — процедила мама, качая головой. — Пойдём в дом, Алисия, расскажешь, как это случилось.

Взяв меня за руку, как маленькую девочку, мама повела меня в кухню, откуда доносились вкусные запахи жаркого и яблочного пирога. В животе призывно заурчало — за три дня пути я почти не ела от нервов. А мама готовила сама, кухарки в доме родителей никогда не было, и готовила божественно вкусно.

Пока шли, взгляд невольно зацепился за обстановку. Мебель в гостиной стояла старая и потёртая. И паркет хрустел под ногами — давно бы его поменять.

Но вот мы оказались в кухне, и призывно запахло обедом. Мама усадила меня за стол и расставила тарелки с закусками, горячим. И конечно, пирогом!

— Покушай, доченька, и не переживай, всё наладится! — проговорила мама.

Я рассказала матери всё, что произошло. И о стремительности, с которой Гарольд развёлся со мной, и о выборе детей... От последнего сердце кровоточило с особой силой. Я чувствовала себя совершенно ненужной, отслужившей себя вещь. Разбитым вдребезги корытом, выброшенным на свалку. Но заботливый голос мамы и её полные утешения интонации возвращали меня во времена детства, когда я была любимая, нужная, окружённая заботой — и на душе делалось тепло.

И еда была у неё невообразимо вкусная.

— Ты справишься с этим, ты у меня умница, — проговорила мама, обняв за плечи.

— Спасибо, мамочка, — прошептала я, обхватив её старые руки, поцеловала ладони. — Спасибо.

— А папу мы уговорим принять тебя, не переживай, — проговорила мама. — Конечно, он поворчит, но я думаю, что он тебя не бросит — всё же ты всегда была его любимицей из трёх дочерей.

Из открытого окна донёсся шум. Мама стремительно вскочила из-за стола и выглянула в окно.

— А вот и папа, — проговорила она напряжённым голосом.

=====

Дорогие читатели, не забудьте подписываться на автора, чтобы не пропустить новости и новинки ♥#♥#♥#
 А ещё я веду телеграм-канал Зена Тирс в поиске (ссылочки ставить нельзя, к сожалению), где делюсь всяким личным, заходите, буду рада ♥#

15

Сердце подпрыгнуло к горлу.

Я отложила десертную ложечку и промокнула губы салфеткой. Разгладила складки на платье, стараясь унять бешеное сердцебиение.

— Пойдём, — проговорила мама.

И мы вышли на крыльцо.

Папа как раз спешил с пегого рыска с длинной гривой и что-то на ходу говорил своим помощникам по поводу вещей в телеге, заехавшей во двор за ним следом.

Нас он пока не замечал.

Я облизала пересохшие от волнения губы и прикусила язык, чтобы вернуть себе контроль. Ощущала себя, словно двоечница перед самым важным экзаменом.

Папа наклонился посмотреть на копыта своего коня. А я рассматривала его мощную фигуру и удивлялась, что отец как будто совсем не постарел — вероятно дело в том, что он постоянно занят физической активностью — гибкость и осанка у него, будто у молодого мужчины. Широкий разворот плеч, рост под два метра — он всё тот же внушающий страх большущий опасный маг. Разве что волосы стали совсем белыми. Но от этого отец выглядел только грознее.

Закончив с конём и передав поводья одному из своих людей, отец двинулся к крыльцу. И, наконец, увидел нас с мамой.

Суровый взгляд впечатался в меня и чуть было не прожёл дыру.

Сердце замерло и не смело биться, а по позвоночнику пробежала предательская капелька холодного пота.

Я быстро опустила взгляд, принимая самый покорный вид. Вся моя жизнь теперь в руках отца — нельзя показаться ему дерзкой.

А он приближался.

Тяжёлые шаги загрели по ступеням. До меня долетел его запах — от отца пахло лесом, костром и прелыми листьями.

Я подняла взгляд, но отец прошагал мимо меня, словно меня тут не было. Он потянулся к матери, чмокнул её в щёку — обычное их приветствие, ещё в детстве он дарил ей этот лёгкий поцелуй с самого порога.

— Привет, Грета, — поздоровался с мамой.

— Лиам, у нас гости, — проговорила мама и показала на меня взглядом.

— Привет, папа, — произнесла я, затаив дыхание.

— Подай мне обед в кабинет, Грета. И никого ко мне не пускай, мне надо поработать, — хрипло произнёс отец и даже не повернулся в мою сторону. Даже краешком глаза не взглянул!

Сердце рухнуло вниз.

Отец скрылся в доме, а я осталась стоять на крыльце неприкаянная. Нутро просто выворачивало наизнанку.

— Я поговорю с ним, Алисия, — утешающе произнесла мама.

— Я сама, мам, — сказала я, стискивая челюсти.

Я не собиралась сдаваться, не для этого я приехала. Покорность моя осталась у той женщины, которую муж сослал в монастырь. А я не она — я другая. Та — умерла. А я буду жить. И буду жить по-другому.

Я ведь уже не та девочка, которую воспитывал отец, я взрослая женщина, жизнь прожила, роды, предательство мужа... Я должна сделать это — поговорить с отцом на равных. И должна быть твёрдой. А ещё мудрой и гибкой — то, на что не способны мужчины.

— Ты подай ему обед, мама, как он просил, — произнесла я. — А потом я к нему зайду. Пусть наш разговор будет на сытый желудок.

— Хорошо, — кивнула мать, а в глазах её разгорелись огоньки.

16

Мамочка покорно ушла в дом, а ведь под её кротостью скрывалась огненная душа. Иногда, нечасто, она показывала характер, не зря у неё за плечами имелась медаль за окончание института благородных девиц — моя мама была очень одарённой магией. Но папа, конечно, имел огромный авторитет в семье и спорить с ним было смерти подобно. Женщина должна быть покорной — этому нас учили с детства.

Примерно час я топтала тропинки в саду и ждала, когда отец поест. В голове прокручивала слова, которые скажу ему. То, что он меня проигнорирует при встрече — не было неожиданностью. Двадцать лет игнорировал — что тут могло измениться? Ничего. Но я не собиралась просить отца меня пожалеть или заступиться перед мужем — я приехала сделать ему выгодное предложение. Деловое.

Пока гуляла, меня ни на миг не отпускало ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Я вскинула взгляд на куст, за которым, казалось, точно кто-то есть. Долго глядела пристально, рассматривая листья, ветки, рискнула приблизиться, но... лишь распугала птиц, затаившихся в траве.

Наверное, это всё нервы! Три дня я почти не спала и не ела. Внутри всё дрожало от мысли, что Гарольд вот-вот узнает, что я не появилась в монастыре, и примет меры! Нужно поторопиться.

Глубоко вздохнув, я вырулила с садовой дорожки к особняку и, поднявшись по каменным ступеням крыльца, вошла в дом.

Мама взволнованно выглянула из кухни. Я бодро кивнула ей, мол всё хорошо, и двинулась через холл к кабинету отца.

Затаила дыхание, успокаивая нервы, и решительно постучала в массивную, отполированную до блеска дверь.

— Да, Грета, можешь забрать поднос, я поел, — глухо отозвался отец. — Но мне нужно ещё поработать, не отвлекай.

Я открыла дверь и застыла на пороге.

Отец поднял голову от бумаг. Мы схлестнулись взглядами.

Он скорчил недовольное лицо и откинулся в кресле, покручивая в руке карандаш.

— Ну, и зачем ты пришла? Иди к мужу! — прошипел он, как змея.

— Я развелась, — ответила я твёрдо, закрывая за собой дверь.

— А-а. Я полагал, что так будет, — отец злорадно усмехнулся. — И что, ты плакаться ко мне пришла? Не по адресу! Иди, куда хочешь, только не ко мне! От меня ты ушла! — рявкнул он, сжимая массивные челюсти.

Но я не отреагировала на выпад отца. Затаила дыхание, скрепляя решительность, и прошла прямо к письменному столу, опустившись на стул.

Мы оказались друг напротив друга, разделённый письменным столом. Я смело взглянула в глаза родителя. А он свёл вместе густые тяжёлые брови, вперившись в меня, словно хищная птица.

— Если я уеду в монастырь, как хочет Гарольд, папа, то ты не сможешь вернуть себе приданое, — произнесла я.

Вдох. Выдох.

— Пусть оно было скупым, когда ты передавал нам землю, — продолжила я ровным тоном, — но сейчас ежегодный доход трёх ферм, расположенных на землях приданого, составляет два миллиона крон.

Мой голос звучал решительно, по-деловому строго, без единой эмоции и личной драмы.

Отец медленно приподнял седую бровь, и я поняла, что заинтересовала его. Названные цифры были действительно значительными.

— Ты не ошиблась, детка?

— Я вела бухгалтерию. Если возьмёшь надо мной покровительство, то сможешь отсудить эту землю себе, — сказала я.

Отец постучал карандашом по столу, покатав желваками, размышляя.

И наконец выдал:

— Если я возьму тебя обратно под свою опеку — у меня будут условия, Алисия. И не факт, что они тебе понравятся.

17

Папа пошёл навстречу! Пошёл! Внутри всё заливало!

— Ну, говори, какие у тебя условия, папа? — произнесла я, стараясь не выдать чрезмерную радость. — Но имей ввиду, у меня тоже есть условия.

Отец откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Условия? — прыснул он

Я продолжала сидеть с ровной спиной, и ни один мускул на моём лице не дрогнул. Я была совершенно серьёзна.

— Алисия, ты даёшь! — воскликнул отец.

Он покачал головой, постучал пальцами по столу и вновь поглядел на меня.

— Вижу, что ты выросла, девочка, — проговорил он хрипло, но в голосе ещё слышались смешинки. — Какие же условия будут у тебя, слушаю? — А вот вопрос был задан совершенно серьёзно.

— Я хочу доучиться, получить диплом мага, — произнесла я.

Отец прочистил горло и окончательно отбросил смех.

— Ты не доучилась год, и потом просрала ещё двадцать, прислуживая своему обожаемому Гарольду! Как ты собираешься получать диплом?! Ты же магию запечатала?!

— Я распечатаю, — решительно произнесла я, нащупав на шее цепочку из особого металла, блокирующего магию. Я надела её добровольно, чтобы не причинить случайно вреда близким и в любой момент могу снять, когда решусь. — И быстро освоюсь с магией, если будет наставник. Ты, кстати, не хочешь на эту роль?

— Я? Нет, уволь, я на тебе крестик поставил и могильной плитой придавил, уж извини. Не верю я, что, спустя двадцать лет, ты сможешь что-то вспомнить из магии. Но, — отец отбросил карандаш и, положив на стол широкие загорелые ладони, заглянул мне в глаза. — Если хочешь попробовать, Алисия, валяй, пробуй. Я согласен. Только знай, что не получишь от меня ни кроны денег на это баловство. Хватит. Я один раз вложил, оплатил тебе образование. Ладно, а теперь слушай моё условие... — голос отца понизился и низко завибрировал, а в глубине глаз вспыхнули звериные огоньки.

Внутри всё съёжилось от такого его взгляда — опасного, жестокого. Ох, не завидовала я папиным врагам!

— Моё условие, Алисия: ты засунешь свою драконью истинность в задницу и выйдешь замуж за моего друга, он давно тебя ждёт! — прогремел отец.

Что значит, ждёт?! Что ещё за друг?!

Губы протестующе разомкнулись. Я хотела возразить, что не выйду ни за какого друга! Замуж больше ни ногой! Ни за что! Тошнит меня от мужского предательства, навсегда охоту от мужчин отбило! Тем более за папиного друга...

Что это за чушь?

Я быстро перебрала в голове всех его знакомых, которые бывали у нас на званых вечера, когда я ещё жила с родителями. Все они уже тогда были старые! Папа хочет меня совсем за старика выдать?

Ар-х!

Но я вовремя сумела удержать рот закрытым, потому как увидела, что рука отца потянулась за гербовым листом, и он начал писать... Я вытянула шею, приглядываясь, — да, это было для меня... покровительство!

Отец вывел красивым почерком нужные строки.

— Так, что мы договорились, Алисия? — рука отца застыла над бумагой, а взгляд цепко вонзился в меня. — Ты выйдешь за моего друга?

— Если сперва ты позволишь мне поехать в столицу и попробовать получить диплом, — стрельнула в отца взглядом. — Мне нужно время.

Отец нахмурился.

А у меня внутри всё съёжилось. Я сглотнула ком, подступивший к горлу.

— Девять месяцев — стандартный срок, который необходимо выждать после развода, сама понимаешь почему, — отец задумчиво постучал ладонью по столу. — Именно столько времени у тебя будет. Потом я сообщу своему другу, что ты свободна, обрадую. Не раньше — не хотелось бы его разочаровывать, если ты вдруг беременна от другого.

— Спасибо, папа! — я вскочила со стула и подошла отнять отца.

Грубые руки отца, бывшего военного, похлопали меня по спине. Сперва неуклюже, а потом мягче и, наконец, погладили.

Я была счастлива.

— Жить будешь у сестры, Алисия. И каждый день будешь отчитываться мне, что делала. Естественно, — выделил он голосом, — никаких мужчин. И содержание твоё будет минимальным — только на пропитание. Если мне что-то не понравится, взбрыкнёшь или откажешься идти за моего друга — я отзову покровительство, и ты поедешь в монастырь, куда отправил тебя твой муженёк.

Разговор снова вернулся в печальное русло.

— Я поняла, — кивнула я, возвращаясь на место.

Отец подписал бумагу, шмякнул печать и пульнул мне по гладкой поверхности стола.

— Лови.

Я взяла в руки лист и прочитала — да, всё хорошо, теперь отец — мой покровитель. Можно вздохнуть свободно, если бы не его условие о замужестве. Но эту проблему мы будем решать потом, а сейчас...

Сейчас напряжение, державшее меня всё это время, наконец отхлынуло, оставляя за собой опустошение. Я очень устала сражаться. Последние дни — не жила, выживала.

— И ещё. Всё, что дал тебе Гарольд — немедленно сожги, — сказал отец. — Ничего его в моём доме быть не должно! И запомни, Алисия, если ты вернёшься к нему после того, как я принял тебя, знай, — я тебя убью.

— Я не вернусь. Но я тебя поняла, — ответила я.

От ледящего голоса отца по спине разбежались колючие мурашки. Он не шутил.

Я поднялась, чтобы уйти.

— Постой, Алисия, — окликнул отец. — Сядь. Теперь поговорим о главном. О землях приданого.

Я вернулась за стол, села и сложила руки замком на коленях. Конечно, как я могла забыть о главном-то. Папе нужны земли, ради них он согласился.

Отец продолжил:

— Я поручу своим законникам составить иск в суд и потребовать у Гарольда Фиста вернуть приданое. А ты расскажи мне всё о финансовом положении твоего бывшего мужа, — отец потянулся ко мне через стол, а голос зазвучал заговорщицки. — Я хочу знать всё об уходе от налогов, незаконных сделках — всё, что ты знаешь, Алисия. Я оберу его до нитки и уничтожу.

18

Я вышла из кабинета отца, выжатая, как лимон. Умеет же папа высасывать все соки! Хватка у отца деловая, дотошный до мозга костей, когда разговор идёт о деньгах. Я не ошиблась, он очень хотел денег.

Разговор о бизнесе вышел тяжёлым и долгим, но помог отвлечься от казавшейся безумной мысли о новом замужестве, которое планировал для меня отец.

Ужас, как я могла на такое согласиться?!

Я шла по коридору в сторону нашей бывшей с сёстрами спальни, собиралась умыться и переодеться, а в ушах kloкотала кровь. Выйти из подчинения одного мужчины, своего мужа, чтобы попасть в подчинение к другому — новому мужу, которого приготовил для меня отец? Пф! Я не пойду за его друга! Боже, я даже не представляю, кто это может быть — может, стоило спросить? Нет, мне это даже не интересно! Наверняка это какой-нибудь старик, бр-р-р. Я не помню ни одного его друга, который бы хоть сколько-то мне нравился. Да и после Гарольда я даже мыслить о другом не могла! Нет, у меня теперь только один выход — выгрызть диплом, а с ним и право быть самостоятельной. И нужно успеть за девять месяцев. А там будет совершенно другой разговор с отцом. На равных.

Я собиралась уехать в столицу этим же вечером — не откладывая — бумаги о покровительстве отца у меня теперь есть — и никто в монастырь меня теперь не засунет. А вот денег на учёбу — нужно придумать, где достать. И ком в горле вырос из мысли, что я ободрана до нитки, из знатной леди превратилась в голодранку, вынужденную просить подачки. После двадцати лет брака у меня ничего нет: ни имущества, ни денег, ни мужа, ни детей. И молодости тоже нет — а раньше это и не ценилось вовсе, а теперь понимаешь, насколько важный ресурс молодость. Будущее. Жизнь, которая кажется вся ещё впереди. Сердце облилось горячей кровью от осознания, что ещё недавно у меня всё было хорошо, было у меня и будущее, и жизнь, а теперь... Каждый шаг по коридору давался с трудом, и казалось земля прямо под ногами осыпается. Как же страшно шагать вперёд!

Но я смогу. Я должна. Назло всем должна.

У меня есть драгоценности — продам, для начала хватит, главное, чтобы приняли обратно в академию. Ректор, лорд Танжер, интересно всё ещё занимает пост? Он так горячо не хотел меня отпускать. Может быть, согласится принять обратно?

Войдя в нашу с сёстрами спальню, я обнаружила идеальный порядок. Три кровати стояли рядом вдоль стены, разделённые тумбами. На окнах висели розовые шторы с цветами. На полках сидели куклы и медвежата. Я взяла куколку в голубом платье — и на меня хлынули воспоминания о раннем детстве, о том, как мы играли с сёстрами: Амандой и Мелани, тогда мы ещё жили тут все вместе. Это потом, в четырнадцать, меня отправили в институт благородных девиц в столицу, как очень одарённую девочку. А сёстры обладали посредственной магией и обучались дома — и я им безумно завидовала!

На полке было много игрушек, которых я раньше не видела — даже целые кукольные дома с магической подсветкой — да, сестрёнок, очевидно, баловали, когда я вышла замуж и навсегда покинула отчий дом. Может, семья так пыталась заглушить тоску по мне?

Я мысленно улыбнулась, переходя взглядом к полке с портретами. Мы тут были втроём, обнимались на фоне старого дерева в саду. Я провела пальцем по своей тонкой фигуре — примерно через год после написания этого портрета я вышла замуж и уехала. Аманда была такая же, как я, тонкая белокурая девочка. Через пять лет после меня тоже вышла замуж за графа и уехала к нему в имение в соседнюю провинцию, а Мелани, наша самая младшая сестрёнка — она была рыженькая — ещё десять лет жила с родителями, а потом тоже вышла замуж — за офицера и уехала сперва к самым границам страны, а недавно мужа перевели в столицу,

и он был у неё уже полковник. У обеих сестёр родилось по двое детей: у Аманды два мальчика, а у Мелани две девочки. Мы с сёстрами постоянно писали друг другу длинные письма, но видеться — не виделись, Гарольд ни за что на свете не готов был отпустить меня одну в путешествие, а сам для поездки к сестрам жены считал себя слишком занятым. У сестёр мужа были примерно такие же в этом плане, но это понятно — важные люди.

А мне нужно было сменить одежду, и я открыла шкаф. А там...

19

Прошу прощения за задержку проды! Только что увидела что она висит в черновиках, и не опубликовалась по таймеру в 9 утра! Очень странно! Но главное, что мы продолжаем нашу историю!
*

* Шкаф был забит девичьими платьями моей младшей сестры Мелани. Что бы вы понимали, она была у нас изысканная модница, и пусть мама утверждала, что любимицей папы была я, отец баловал младшую сестрёнку таки-и-и-ими нарядами, какие нам с Аmandой даже не снились!

Я провела ладонью по ярко-красным, оранжевым, лазурно-синим тканям, но всё это было, конечно, для молодых. Но тут я увидела кое-что. Мягкое бежевое платье. Строгое, по фигуре. Не вычурное, но элегантное. Возможно, даже именно его я видела на страницах модного журнала с заголовком “Классика на все времена”. Скорее всего да, именно его. Мелани всегда следила за модой и часто покупала наряды просто, чтобы у неё было.

И я стала сдирать с себя старое платье, словно отмершую шкуру: широкие рукава, бесформенный подол — раньше эта одежда казалась мне хорошей, подходящей для почтенной леди, Гарольд одобрял такие наряды, а теперь всё это — труха! Саван погребальный, в который я сама себя завернула!

Всё. Теперь старая жизнь осталась в прошлом, и от меня прежней больше ничего нет. Как потребовал отец — я собрала всю свою прежнюю одежду и затолкала в камин.

Поджечь! Чем поджечь огонь?!

Я потянулась к зажигалке с огненным камнем-артефактом, если провести по нему пальцем, он вспыхивал. Но я же сама огненная магиня! Я откинула зажигалку в сторону, взялась за шею и рванула цепочку, которая блокировала мою силу.

По телу прокатилась волна жара. Щёки запылали, а в пальцах появилось давно забытое покалывание.

Я направила руку к камину и призвала силу. Я не обращалась к своей магии двадцать лет! Я всё забыла! Огонь жаркими языками лизал нутро, но никак не удавалось его подчинить и направить наружу, родить хоть искорку!

По вискам побежали капельки пота от усердия. В глазах — темнота.

Я должна! Иначе никак!

И через боль, через пелену слёз, затуманивших взор, на ладони вспыхнул долгожданный огонёк. Ненадолго — всего на две секунды! Но мне хватило, чтобы подпалить одежду в камине.

Огонь разошёлся, поедая ткань. Я подложила полено, затем ещё одно — жар пошёл горячий, злой, и как будто исцеляющий.

Я быстро ополоснулась и нарядилась в бежевое платье сестры — и наряд, на удивление, сел идеально.

А на туалетном столике нашлись коробочки с косметикой. Безумие какое-то, я никогда не пользовалась ни краской для бровей, ни губной помадой, а у Мелани тут было полно всего — такого, что я видела раньше только в журналах.

А почему бы и нет?

И я подвела глаза, подкрасила губы, поводила румянами по щекам. Не ярко. А так, чтобы убрать болезненную бледность и вековую усталость.

Волосы я помыла и расчесала, оставив струиться по плечам. Незамужние носили волосы распущенными — и для меня теперь это было так необычно. И даже ранняя седина, которая сделала мои светлые волосы почти платиновыми, теперь казалась вовсе не недостатком, а приятным изыском, словно я была избранная, особенная.

Красивая! И модная!

С улыбкой на лице, я спустилась в гостиную, сжимая в руке сумку. Она всё ещё была тощая. В ней лежали драгоценности, отцовская бумага и сменное бельё, взятое из шкафа сестры.

Мы прощались с мамой и папой на крыльце.

— Дочь, может, лучше утром поедешь? Останься хотя бы на ужин! — умоляла мама.

— Прости, мамуль, не хочу больше терять ни минуты своей жизни. Поеду, — ответила я, крепко обнимая и целуя мамочку.

А отец протянул небольшой плоский кристалл на цепочке. О, переговорный артефакт — ужасно дорогая штука.

— На вот, возьми. По судебному процессу могут быть неотложные вопросы, ты всегда должна быть на связи, — скупно произнёс он.

— Я поняла, — сказала я, убирая артефакт в сумку.

— И я буду ждать ежедневные доклады о том, чем ты занимаешься, — добавил отец.

— Хорошо, папа.

— Всегда бы ты была такой послушной! — фыркнул он.

— Спасибо, что принял меня, отец, — проговорила я.

И мы тепло обнялись.

А потом я поехала.

Джимми, конюх Гарольда, который привёз меня в моей бывшей карете, сразу укатил обратно, и теперь я ехала на папином экипаже — тут всё было гораздо проще: рессоры жёсткие и скрипучие, сиденье жутко неудобное, тесно, и из окошка поддувал сквозняк. Кучером был парень по имени Дэйви, о котором я не знала ничего, кроме имени, но юноша показался весьма приятным.

Быстро стемнело, и пошёл дождь, забарабанил по крыше. Похолодало сильнее. А крыша стала подтекать, и мне пришлось сжаться в углу, чтобы на меня не капало.

— Ты там в порядке, Дэйви? Может, стоит переждать? — спросила я через переднюю форточку, переживая за парня.

Одинокий фонарь возле правого колеса кареты горел, разгоняя промозглую тьму.

— Всё хорошо, леди Алисия! У меня козырёк есть! И плащ!

— Хорошо, будь осторожен, Дэйви! Если что, останавливай, переждём дождь!

Я волновалась. Всё же юный парень, моему сыну ровесник, а там дождь, холод. Но Дэйви, несмотря ни на что, правил, и мы ехали сквозь мокрую ночь в столицу.

Вскоре, несмотря на все неудобства, меня начал срубить сон. Я только-только задремала, и вдруг карета неожиданно затормозила и накренилась. Меня подбросило на сиденье, и я ударилась головой о потолок. Ай!

Снаружи донеслось ржание лошадей и ругань Дэйви.

— Проклятое колесо! Опять отлетело!

20

Моя голова. Я сильно ударилась. Потёрла ссадину на виске и почувствовала тёплую влагу — похоже, что поцарапалась до крови. Но ничего страшного, это лишь царапина, в остальном я цела. А вот карета! Она перекосилась.

Мой кучер снаружи ругался, и его ворчание перебивал усилившийся ливень.

— Дэйви, что у нас случилось? — проговорила я, дёргая ручку дверцы, но открыть не получилось.

Я подёргала ещё — и никак. Похоже, заклинило.

— Дэйви! — выкрикнула я.

— Леди Алисия, у нас колесо отвалилось, — жалобно простонал кучер.

— Дэйви, я застряла! Помоги открыть!

Я ещё раз налегла на дверцу, а Дэйви тянул снаружи, но дверь никак не поддавалась.

Свет единственного нашего фонарика мерцал, заливаемый дождём, и, наконец, совсем погас. Мы остались одни, посреди дороги, со сломанной каретой в полной темноте. Из глубины души захлестывало отчаяние: в новой жизни судьба не жалеет меня! Бьёт! Подбрасывает препятствий!

Но нельзя поддаваться панике, нельзя! Нужно пытаться решить проблему. Для начала, нужно сообщить отцу.

Я достала переговорный артефакт и провела по его поверхности пальцем.

Папа долго не отвечал, а потом отозвался усталым голосом:

— Ну, что там, Алисия? Ты передумала?!

— Нет, пап. Не передумала. Тут такое дело. У твоей кареты колесо отвалилось!

На той стороне послышалась брань.

— Проклятие, опять! Жди теперь, — недовольно отозвался папа.

Он был очень зол! Просто невероятно! Мурашки пробежали по коже, когда я представила встречу с ним. Будет ругать меня за карету и за моё решение поехать в столицу. Но не могла я ждать, не могла, ведь Гарольд как узнает — даст взятки всем кому надо, чтобы меня не ждали в столице и не дали диплом! Я должна идти на опережение. Да вот что теперь делать?! Поломка отбросит меня назад, придётся возвращаться и пережидать, пока отец починит карету. Боже, папа, что происходит с твоими делами? Почему твоя карета сломана? Если ты что-то скрываешь о своих делах, почему мне не сказал?

Бедный Дэйви бегал вокруг кареты под проливным дождём. Нужно его пустить внутрь, чтобы не промок окончательно.

— Дэйви, давай ещё раз попытаемся открыть дверь! Я толкаю, ты тяни! — выкрикнула я.

— Тяну, леди Алисия!

Мы принялись за работу, но неожиданно я услышала протяжный, пробирающий до дрожи вой. И затаилась. По коже пронеслись мурашки.

— Подожди, Дэйви! Ты слышал это?!

— Там кто-то едет, леди Алисия! — воскликнул кучер.

Может, это отец?! Так быстро?

И действительно, через залитое дождём окошко я увидела яркие огни. Много огней, как на самых современных каретах!

Лошади заржали, занервничали и немного потянули вперёд, меня откинуло на сиденье. Не успела выпрямиться, как дверцу вырвала неведомая сила. Яркий свет фонарей ударил в лицо, и в лучах вырос мощный силуэт мужчины.

Я не разглядела его лица, но глаза... Глаза сверкнули зеленью, будто волчьи.

На миг показалось, что это Люкар глядит на меня с нескрываемой яростью и упрёком:
“Ты предала меня!”

Что? Нет! Я никогда тебя не предавала, Люкар! Ты — умер!

21

У меня, наверное, из-за удара по голове случилось помутнение рассудка, раз мёртвые волки мерещатся!

Но, слава богу, наваждение быстро прошло, как только мужчина заговорил.

— Леди, с вами всё хорошо? — хриплый бас раздался в тесном пространстве салона.

Мужчина оказался столь близко! Пахло от него свежей хвоей и мятой. Мне сразу сделалось неловко. Наедине, столь тесной, почти интимной, так близко я бывала лишь с мужем.

— Всё хорошо, — проговорила я.

А у самой губы дрожали от непонятного волнения. Или холода? А может быть, от напряжения всех последних мучительных дней, обрушившегося валом?

И я прижалась к дальней стенке кареты, чтобы оказаться подальше от чужого мужчины.

— Да не похоже, что хорошо, — проговорил он, а в голосе что-то напряжённо завибрировало, как у зверя. — У вас кровь.

И потянулся во внутренний карман, достал платок, и приложил к моему виску. Пахнуло обильно свежей мятой — приятно, вкусно так, до мурашек — но ужасно неловко! Чужой мужчина! И тоненькая мягкая ткань эта, что прижималась к моему лбу, неловкость только усиливала!

Удивительно, как он разглядел в полумраке кровь. Неужели там такое страшное кровотечение! Да нет, вроде...

Я замерла, ощущая, как мужчина осторожно вытирает мне висок. Тысячи вопросов роились в голове, кто он? Откуда? Почему касается так бережно? И почему вообще это делает! Но сказать ничего не могла — язык будто отмер.

А он заговорил сам:

— Я проезжал мимо и увидел, что у вас поломка.

Спокойный, уверенный в себе.

— Проклятое колесо! — отозвался Дэйви из-за спины незнакомца, перекрикивая дождь. — Два раза уже чинили в этом месяце, и опять сломалось! Да ещё, демоны побери, обод на колесе лопнул...

— Это плохо. Нужно запасное, — ответил незнакомец. — У вас имеется?

— Не-а! — крикнул Дэйви.

— Сейчас ночь и ливень. Я могу подвезти вас до ближайшего селения, где вы дождётесь помощи. Что скажете? — чужой мужчина направил на меня горящий зеленью взгляд.

Я до сих пор не могла толком рассмотреть его лицо в бьющих со спины лучах фонарей его экипажа! Только пугающие глазищи, пожирающие с диким голодом, будто хищник, поймавший добычу.

Дэйви ответил за меня:

— Я не могу бросить карету — хозяин голову оторвёт! А леди Алисию можно подкинуть до крыши, а то промокнет вся, заболит — не дай Господь!

— Поедете со мной? — спросил жарко незнакомец, и глаза его снова сверкнули зеленью в полумраке.

Тесное пространство будто сузилось ещё сильнее. Чужак всё собой занял. Он был вокруг меня, всюду! Большой, сильный мужчина. Но внутри образовалась поразительная уверенность, что он не бандит и не причинит мне вреда. Такие, как он, не нападают на слабых. Не знаю, откуда я это знала. Чувствовала! А ещё, он казался ужасно знакомым. Может быть, мы встречались прежде?

И, всматриваясь в чужое лицо, я спросила:

— Как ваше имя?

=====

Дорогие читатели, сегодня **скидка 20%** на три мои законченные истории из цикла про разводы! Если вы ещё не читали, то приятная возможность познакомиться:

Хозяйка заброшенной усадьбы или Развод с драконом - <https://litnet.com/shrt/FvEA>

Про сырную ферму и горячего герцога-бывшего мужа

Хозяйка лесной усадьбы, или Отвергнутая жена дракона - <https://litnet.com/shrt/H37G>

Героиня сбегает от мужа-прокурора, который должен арестовать её за запрещённый дар, и открывает отель, куда муж потом приезжает отдыхать

Хозяйка старого поместья, или Развод с генералом-драконом - <https://litnet.com/shrt/6db4>

*Героиня восстанавливает поместье бывшего мужа, который ее выгнал и сгинул на войне, а потом он возвращается (простите за спойлер)

*

22

— Простите, я не представился, — ответил незнакомец хриплым басом. — Герцог Норфолк к вашим услугам.

— А я леди Алисия Стрейт, приятно познакомиться, — проговорила я.

— Не представляете, насколько приятно мне, леди Алисия, — пророкотал герцог, беря мою руку, и поднося к губам.

Зелень его глаз снова замерцала в темноте.

Я затаила дыхание. Прикосновение мужских губ к кисти было горячим, обжигающим, будто мне целовали руку впервые в жизни, хотя я ведь давно уже не девочка! Волнующая дрожь прокатилась по телу, но мужчина быстро выпустил меня.

Несколько капель с протекающей крыши упали мне на подол платья.

— Одну минуту, — хрипло проговорил герцог, и исчез из салона кареты.

А я глубоко вздохнула. Что за мужчина!

Он вернулся через несколько мгновений с большим чёрным зонтом.

— Прошу, леди Алисия, идёте, — протянул руку, предлагая взяться. — Пересядем в мою карету, я доставлю вас, куда скажете.

— Прямо-таки, куда скажу?

— Хоть на край света.

Норфолк уверенно кивнул, и все сомнения растаяли. Глупо упускать свой шанс добраться до столицы, ведь неизвестно, когда отец починит карету! Пока не выкрутил мозги — нужно ехать! Чем раньше я встречусь с ректором — тем меньше вероятность, что Гарольд успеет как-то помешать! Я уверена, как только он узнает, что я не поехала в монастырь, придёт в ярость, начнёт мстить — поэтому нужно торопиться.

— А до столицы меня подбросите? — проговорила я.

— Не вопрос, — кивнул герцог.

И я взялась за его протянутую ладонь, вставая на подножку.

А внизу, между нами, была огромная лужа. Я поглядела на герцога и помотала головой: мне не перешагнуть!

— Возьмите зонт, — проговорил он сходу.

А сам подхватил меня на руки и понёс к себе в экипаж!

Здоровый, сильный, высокий!

Сердце зашлось в бешеном ритме — прежде только мой муж меня касался столь близко. Так неловко!

— Тяжело же, — проговорила я.

— Нисколько, вы пушинка, — пророкотал Норфолк.

Смешной.

Но действительно герцог перенёс меня совершенно играючи от подножки одной кареты до подножки другой. Мы пересели в его просторный современный экипаж. Расположились друг напротив друга. Салон освещала лента тёплых магических огней, пролегающая по периметру потолка. Было светло, тепло и мягко. И даже дождя не слышно.

А самое главное, теперь я могла рассмотреть лицо своего нового знакомого.

Мужчина обладал суровой мужской красотой, аккуратно выбритый и подстриженный. Черты лица волевые, мужественные, нос прямой, властный рот. Зрелый мужчина, старше меня лет на десять, но не старый, матёрый, я бы сказала. А вот волосы у него были совершенно белые, но не как у отца — седина, а как будто от природы, совсем-совсем белые, но это ему безумно шло.

— Всего рассмотрели? — Норфолк мягко улыбнулся, а в глубине глаз сверкнули дикие огоньки.

— Простите, я, возможно, слишком увлеклась. У вас необычные волосы.

— От того что короткие, или белые?

— И то, и другое.

— Я беловолосый с рождения, — улыбнулся он и приказал своему кучеру: — Поедем, Ленс.

Карета тронулась, покачиваясь на мягких рессорах.

— Вы выглядите расстроенной, Алисия, — заметил Норфолк. — Расскажите, что с вами случилось?

23

Герцог с неподдельным интересом взглянул мне в глаза.

— Неужели мне не удаётся держать лицо? Простите, — я пощупала свои щёки и смущённо улыбнулась. — Честно говоря, да, случилось... Я развелась.

— Развелись? — пророкотал он, а взгляд снова сверкнул зеленью.

И лицо как-то хищно заострилось.

— Да, развелась, — повторила я.

Я не стала скрывать прошлого перед незнакомцем, к чему тут что-то скрывать? И рассказала всё, как есть, что развелась и приехала к отцу за покровительственной бумагой. А теперь вот направлялась в столицу.

— Поселюсь у сестры, — проговорила я, перебирая ручки сумки.

В груди горячие угли ворочались — слишком сильны были воспоминания о том, как я лишилась всего. Слишком сильно нужно было контролировать голос, чтобы не дрожал.

— Постараюсь получить диплом, я же огненный маг, — продолжала я.

— Огненный маг, — повторил за мной герцог с бархатной хрипотой в голосе.

Взгляд собеседника становился всё цепче. На миг даже показалось, что никуда я из этой кареты не денусь — сожрёт меня. Но это всё, наверное, из-за нервов, ночи и дождя. Я слишком много волновалась в последнее время, но мы же цивилизованные люди, никто меня здесь не съест.

— Да, я огневик, — кивнула я. — Долгое время, правда, я не пользовалась магией, но теперь должна развить свой дар.

— У вас уже есть наставник? — прямо спросил Норфолк.

— Ещё нет.

— Я мог бы им стать.

— Очень ценю вашу отзывчивость, лорд Норфолк, — мягко улыбнулась я, — но мы ведь с вами совсем не знакомы. Нас неправильно могут понять. Я попрошу быть моим наставником своего ректора, мы хорошо общались. Но спасибо вам за предложение.

— Разумеется, вы меня совсем не знаете. Нужно исправить это. Поужинаете со мной как-нибудь?

Меня захлестнуло волной эмоций, сердце ускорило ритм. Меня что, приглашают сейчас на свидание?

— Нет, — ответила я. — Простите, лорд Норфолк. Я только что развелась. Я просто так не могу. И не хочу, если честно выстраивать никаких новых отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.